

Стражник Ван догнал начальника стражи Вана.

Начальник стражи Ван бросил взгляд на племянника и многозначительно произнес:

— Ты обычно не отличаешься особой обходительностью, а тут вдруг так проникся этой девчонкой.

Стражник Ван смущенно рассмеялся:

— Дядя, о чем вы только думаете? Я просто подумал, что она чем-то похожа на мою сестру — когда та пропала, была примерно в том же возрасте, что и барышня Фэн Цзы.

При упоминании об этом улыбка на лице начальника стражи Вана померкла.

В молчании процессия покинула этот переулок.

Когда стражники ушли, за ранеными хозяевами постоянного двора некому было присмотреть — они лежали на столах, едва дыша, так что Фэн Цзы и дядюшка Шэнь были вынуждены позвать соседей с улицы, чтобы те помогли отнести семейство в врачевальню.

Хотя Фэн Цзы могла бы и сама по очереди дотащить их на спине, ей этого не хотелось; попросить о помощи соседей было с ее стороны предельно вежливо и исчерпывающе.

Выйдя на главную улицу, Фэн Цзы велела дядюшке Шэню идти домой, а сама повела людей в врачевальню.

Лекарь Шэ выглядел лет на двадцать, был облачен в длинный халат цвета цинь, отличался изысканными и мягкими манерами и как раз осматривал больного. Заметив, что они вносят троих человек, он слегка приподнял веки:

— Пациентов оставьте, зевакам всем выйти наружу.

Фэн Цзы поблагодарила соседей, которые помогли донести пострадавших, проводила их наружу и осталась ждать в сторонке.

Из троих членов семьи Ли трактирщик и его жена пострадали меньше и пришли в себя вскоре после того, как оказались во врачевальне, а вот Ли Далан был ранен куда тяжелее.

Отослав предыдущего пациента, лекарь Шэ поднялся, чтобы осмотреть раны Ли Далана. Сперва лицо его было совершенно бесстрастным, но после осмотра оно заметно помрачнело. Лишь спустя довольно долгое время он вернулся к обычному выражению и, не поднимая

головы, произнес:

— Ранения и впрямь тяжелые. Вы — родственница пострадавшего?

Этот вопрос был адресован Фэн Цзы.

— Нет, я просто случайно оказалась рядом и помогла им сюда добраться.

Трактирщик Ли лежал на деревянном щите, выглядя довольно слабым, и поспешно спросил:

— Лекарь Шэ, как мой сын?

Лекарь Шэ небрежно бросил:

— Зло... Болезнь зашла в самую глубь, похоже, он совершил немало дурных дел, спасти его уже нельзя. Ступайте домой и готовьтесь к похоронам, пока не поздно.

Услышав это, жена трактирщика горько зарыдала:

— Лекарь, умоляю, спасите моего сына! Сколько бы это ни стоило, сделайте что-нибудь!

Лекарь Шэ вернулся на свое место за столом и, взяв кисть, начал выписывать рецепт:

— Дело вовсе не в деньгах, вашего сына уже не спасти. В прошлый раз, когда я вытащил его с того света, я предупреждал, что ему следует делать больше добрых дел и почаще заходить в храм с молитвами. Жаль, что он меня не послушал. Теперь ему не поможет даже Врачуваньня Цзиштан. Вы сами тоже пострадали неслабо, я выпишу вам лекарство — поприимаете его семь дней подряд, и все заживет.

Фэн Цзы постояла еще немного и, опасаясь, что лекарь Шэ потребует с нее плату за лечение, поспешно произнесла:

— У меня дома еще есть дела, я пойду. Трактирщик Ли, Сяобао сейчас у дядюшки Шэня, это тот самый человек, который вечно носит вам тофу, так что не забудьте забрать его пораньше.

Трактирщик Ли только теперь вспомнил о внуке. Он всё еще был слишком слаб, чтобы подняться, и потому мог лишь выразить благодарность, лежа на деревянной доске.

Семье Шэнь можно было доверять.

В доме царил такой кавардак, что о Сяобао пока никому было заботиться.

Когда дядюшка Шэнь вернулся, домашние были вне себя от радости и окружили его со всех сторон, наперебой расспрашивая о самочувствии; к возвращению Фэн Цзы он как раз рассказывал о пережитом.

Ему тоже не повезло: вчера он собирался пораньше закончить торговлю тофу и направился на постоянный двор еще до заката, но сколько ни стучал в дверь, никто не отзывался, а стоило ему собраться уходить, как створки вдруг распахнулись изнутри.

И надо же было такому случиться — едва он вошел, входная дверь тут же захлопнулась обратно.

Поняв, что дело нечисто, он попытался уйти, но дверь больше не поддавалась. А затем появилась женщина-дух — кошмар, который теперь преследовал его до конца дней.

Узнав причину, домашние едва верили своим ушам.

Заметив, что все в семье испугались, госпожа Шэнь утешила их:

— Мы дурных поступков не совершаем, так что бояться нам нечего.

— Мой отец тоже ничего плохого не делал, а все равно пострадал за компанию, — Шэнь Сянлань с влажными глазами обняла Фэн Цзы за руку. — Сяо Цзы, я и не знала, что ты такая сильная! Спасибо, что спасла моего папу.

Фэн Цзы с улыбкой ответила:

— Да я ничего особенного и не сделала — просто силы у меня побольше да удача улыбнулась.

Дядюшка Шэнь всё же умолчал о том, как она призывала Врата Призраков — уж слишком необычным было это зрелище.

Тогда домочадцы Ли потеряли рассудок, и по-настоящему ее призыв Врат Призраков видели только он сам да Сяобао. Но Сяобао был ребенком, чьим словам никто не придаст значения, сам же он трепать языком не станет, чтобы не накликать на Сяо Цзы беду.

Из его сбивчивых объяснений семья Шэнь вынесла лишь то, что Фэн Цзы просто повезло одолеть женщину-дух.

В ту ночь Сяобао спал со стариками Шэнь, но уже на следующее утро супруги Ли явились за

внуком, притащив с собой целый ворох подарков.

Подарки предназначались главным образом Фэн Цзы в знак признательности за то, что она уладила женщину-дух и спасла их, но семье Шэнь тоже досталось по фунту мяса и паре свертков с выпечкой — в благодарность за вчерашнюю помощь с дорогой до врачевальни и заботу о Сяобао.

Накануне Фэн Цзы потратила немало духовной энергии на призыв Врат Призраков. Сама она толком в этом не разбиралась, но, проснувшись рано утром, почувствовала жуткую усталость, словно из нее выжали все соки, так что на пристань работать она сегодня не пошла.

Супруги Ли снова и снова благодарили ее.

Глядя на эту чету, Фэн Цзы подумала, что лекарь Шэ и впрямь обладает невероятным искусством — всего за одну ночь почти полностью исцелил людей.

— Не стоит благодарности. Раз вы принесли подарки, то теперь мы квиты, — ей вовсе не хотелось сближаться с семейством Ли.

Жена трактирщика мялась, собираясь что-то сказать, но в конце концов решилась и произнесла:

— Барышня Фэн Цзы, раз вы так сильны и смогли умирить женщину-дух, не могли бы вы спасти моего сына? Мы готовы отдать вам все наше имущество.

Трактирщик Ли тоже с надеждой уставился на нее.

Фэн Цзы покачала головой:

— Я не смогу его спасти.

Семейство Ли ушло, и в доме Шэнь снова воцарился покой.

Спустя семь дней Ли Далан и вправду скончался.

На постоялом дворе вывесили белые траурные ткани, а главный зал превратили в погребальную капеллу.

Кто-то вошел в здание, но хозяева даже не обратили на него внимания — словно не видели вовсе. Незнакомец поднялся по ступенькам, присел на корточки у лестничного пролета и подобрал крошечную красную жемчужину размером с рисовое зернышко, которую легко было

не заметить.

— Телам духов все же далеко до человеческой плоти, слишком они хрупкие.

Едва слова затихли, этот человек растворился в воздухе прямо на том же месте.

Его появления никто так и не заметил.

Месяц спустя после смерти Ли Далана трактирщик продал дом и, по слухам, вместе с внуком перебрался в деревню.

Ли Далан избивал жену и довел ее до самоубийства, так что теперь на семейство Ли все показывали пальцами. Остаться на Улице Пинъань значило обречь внука на жизнь под постоянный шепот за спиной, так что было куда разумнее отыскать тихое местечко и начать всё сначала.

За ужином,

услышав, что дом трактирщика ушел почти за пятьсот лянов серебра, Фэн Цзы только языком цокнула: она и не подозревала, что цены на жилье в этом мире безумно высоки — ей самой за всю жизнь, во всем себе отказывая, такое не накопить.

Госпожа Шэнь с улыбкой пояснила:

— Дом у них большой, двухэтажный, да еще и приспособленный под постоянный двор, потому и удалось выручить такие деньги. А вот жилье вроде нашего, с небольшим двором, обойдется лянов в двести, не больше.

— И все равно ужасно дорого, — расстроилась Фэн Цзы.

Сперва ей здесь очень понравилось, и она собиралась накопить денег, чтобы купить дом и осесть насовсем, но цены на недвижимость врезали ей такую затрещину, что пришлось вернуться к первоначальному плану: честно копить деньги, чтобы уехать в деревню и поставить там соломенную хижину.

<http://bllate.org/book/19615/1925448>